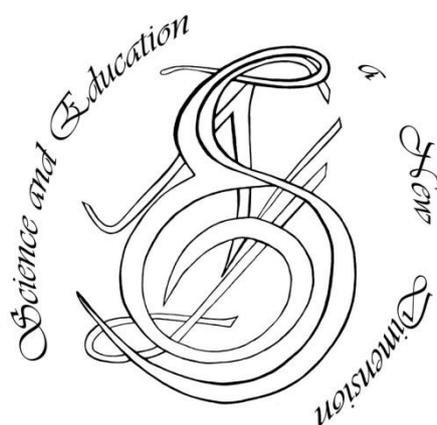

SCIENCE AND EDUCATION A NEW DIMENSION

PHILOLOGY

Филология

p-ISSN 2308-5258

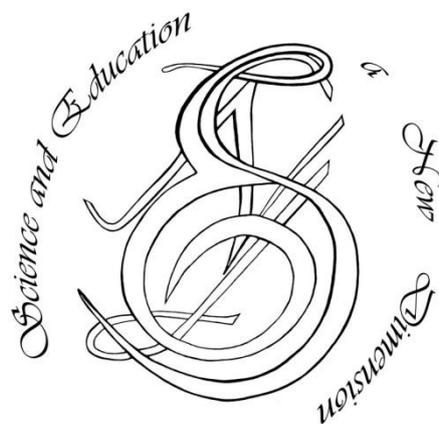
e-ISSN 2308-1996

VI(50), Issue 167, 2018 June

SCIENCE AND EDUCATION A NEW DIMENSION

<https://doi.org/10.31174/SEND-Ph2018-167VI50>

Philology

Пространственность как основа национальной идентичности народа чероки в творчестве Дианы Гланси

О. Г. Шостак

Национальный авиационный университет
Corresponding author. E-mail: oshostak@ukr.net

Paper received 25.05.18; Revised 29.05.18; Accepted for publication 03.06.18.

<https://doi.org/10.31174/SEND-Ph2018-167VI50-10>

Аннотация. Принадлежность к конкретному пространству, земле и ее ландшафтам являются важным фактором формирования национальной идентичности и играют особую роль в литературном творчестве коренных народов, что и будет продемонстрировано в данной статье примере романов Д.Гланси «Отталкивая медведя. Роман о пути слез» и «Отталкивая медведя. После пути слез».

Ключевые слова: национальная идентичность, коренные народы Северной Америки, чероки, индейцы, пять цивилизованных наций.

Введение. Исследователи национальной идентичности коренных жителей Северной Америки сходятся во мнении, что из двух критериев человеческого мироощущения – пространство и время, пространственная структура играет значительно более важную роль для индейцев, нежели временная. В ее основу легла принадлежность к конкретному пространству, земле и ее ландшафту. Именно потому ощущение принадлежности к конкретной территории является важной темой в литературной традиции американских и канадских индейцев. Геополитическая идентичность является ключевым моментом конструирования социально-политического пространства романов Дианы Гланси «Отталкивая медведя. Роман о пути слез» и «Отталкивая медведя. После пути слез». Писательница видит свое задание в выявлении самобытности народу чероки и его страны в глобализованном пространстве новорожденных Соединенных Штатов Америки. В текстовой структуре романа отображена тесная связь пространственных ощущений чероки в их связи с представлениями о государственности и самоощущением чероки как нации. Геополитическая идентификация чероки. Как одной из пяти цивилизованных наций юго-запада Северной Америки в первой половине XIX ст., была стабилизирующим фактором культурно-исторической общности. Она служила мерилем самореализации в геополитике общества. Пространство было способом апперцепции и интерпретации внутреннего мира чероки как этноса как до выселения с исконных земель, так и после переселения на новые территории.

Краткий обзор публикаций по теме. По мнению А. Крупата, пространственная идентичность чероки является иерархической, поскольку она имеет несколько уровней, каждый из которых отображает специфику принадлежности к определенной территории, от малой родины через политико-административные и экономико-географические образований до страны в целом. До выселения с их предвечных земель вследствие решения президента США Эндрю Джексона в 1837-1839 гг., чероки проживали на территории современных штатов Кентукки, Вирджинии, Северной и Южной Каролины, Алабамы, Теннесси и Джорджии. «тропа слез – это то место и время страданий, которые должны выгравировать в памяти и стать мерилем издевательства над людьми в настоящем и будущем времени» [3, с.30]. В то же время Полли О. Вокер подчеркивает, что европейский и автохтонные подходы к земле разительно отличаются друг от друга вследствие «онтологического насилия, замалчивания и унижения коренного мировосприятия, что было и остается одним из наиболее значимых способов колонизации» [6, с.529]. Ванесса Вотс пишет о том, что способ-

ность коренных народов общаться с землей делает эти народы коренными, «даже в перекрученных рамках колониальной парадигмы» [7, с.32]. Владение землей для европейца XVI-XVII вв. означало независимость и финансовую стабильность. Земля - именно то, что вызвало жителей густонаселенных стран Европы на просторы новооткрытого континента, и именно принадлежность к этой земле делала ее коренных жителей «коренными». Однако для индейцев было чужим само понятие «владение землей», они не отрывали себя от нее, считали себя ее частью. Этот факт до сих пор хорошо можно наблюдать в мировоззренческих моделях индейцев разных племен. К.Линкольн писал, что «племя чувствует себя единым целым с землей» [4, с.8].

Цель статьи состоит в выявлении особенностей пространственной идентичности народа чероки в текстах романов Д.Гланси «Отталкивая медведя. Роман о пути слез» и «Отталкивая медведя. После пути слез» как особого строения ментальности чероки, которая на самом деле является чрезвычайно консервативным явлением, которое невозможно изменить в течение жизни одного или нескольких поколений.

Основная часть. В отличие от европейской космогонии, где человек помещена в позицию обладателя земли и всего своего природного окружения, что в конечном итоге выливается в убеждение о разделе между человеком и природой, представление о мире коренных наций базируются на мифе творения мира, в этом процессе в равной степени участвовали как люди так и животные, чем и обаяны значительной анималистичности индейских текстов вообще и текста романа Гланси в частности.

С первых же строк произведения читатель воспринимает животных как часть жизненного универсала чероки. Первыми из животных упоминаются лошади, которым предстояло сопровождать людей на марше во время насильственного переселения чероки из Северной Каролины в так называемую «Индийскую территорию» через шесть штатов. Не менее важными являются и птицы, как домашние так и дикие. Анна Ско-Со-Тах, одна из многочисленных голосов романа, вспоминает, как ее оторвали от родного дома и отправили на марш: «Птицы кричали мне из-за деревьев, даже вода говорила. Солдаты сошли с дороги и приказали мне идти. Мои ноги не шли, солдаты схватили меня под руки и потащили. Небо было коричневым, как куриная кровь у меня на ботинках. Я хотела кричать к соседям, и мой голос превратился в вквотанье. Какое-то мгновение мне показалось, что я и сама курица, бью крыльями по земле. Мои коричневые перья в пыли. Солдаты позволили мне остановиться у воды, чтобы попить. «Может она перестанет кудахтать», - ска-

зали» [1, с.7]. Доминирующий в этой связи орнитоморфный код затруднен к восприятию из-за введения целого ряда анималистических и вещественных образов, имеющих мифологическую символику чероки. Мифологический изоморфизм персонажей и принадлежащих к ним локусов, позволяет допустить мысль, что практически во всех этих локусах прослеживаются универсальные принципы мифопоэтики народа чероки. Дж.Майнер отмечал, что «система связей между людьми и остальными творения у людей» пяти цивилизованных наций «укреплялась благодаря многочисленным историям, которые связывали их с их исконными землями и новыми территориями. «Современная литература пяти наций демонстрирует то видное место, которые занимают так называемые животные истории в процессе переосмысления рассказов о колониальном лишении земли» [5, с.63].

Другим важным элементом дефиниции пространственной идентичности чероки есть растительность, которая также связана с мифологией. Схвачена на пороге собственного дома Маритол, одна из протагонистов романа, мысленно сопротивляется: «Они не могут нас забрать отсюда. Разве солдатам неизвестно, что мы и есть земля? Кукурузные стебли - наши бабушки. Наши истории рассказывают, что женщина по имени Селу дала себя убить сыновьям, чтобы из капель ее крови выросла кукуруза. Стебли кукурузы затрагивали нас, стремясь удерживать. Их кисти словно голоса, поднимались вверх. Наш дух сцеплялся с кукурузным волосами и сплетался с их корнями. Мои ноги не желали идти и солдаты вели меня под руки. Я упала в ряды кукурузы рядом с дорогой. Птичье пение заполнило мои уши. Я пыталась удерживать воздух и звуки земли. Солдат наставил на меня штык, и какое-то мгновение мне показалось, что у него синее лицо. Я попробовала подняться, но колени не слушались, а в руке у меня все еще оставалась яблочная кочерыжка» [1, с.7].

Издавна кукуруза была не просто основой питания, но еще и священным символом народа чероки, этот символ сопровождал людей в счастливые и грустные моменты их жизни. Маритол вспоминала свою свадьбу: «Когда мы женились он дал мне кусок дичи, чтобы сказать, что он будет обеспечивать, а я дала ему початок кукурузы, как обет готовить хлеб» [1, с.39]. Умирая госпожа Молодая Индейка, также обращается к символике кукурузы, на этот раз как к символу духовной жизни: «Низкий стон вырвался у меня, в то время как мое тело тряслось в вагоне. Я затаилась в себе, чтобы еще раз вспомнить эту историю, прежде чем пойти в послежизнь. Я думала о Селу, которая дала чероки кукурузу. Она дала себя убить двум своим сыновьям, Грозным ребятам. Сейчас она живет в Небесной стране вместе со своим мужем. Страна Духов тоже находится там. Я вижу небо с того места, где неподвижно лежит мое тело в вагоне. Селу видит, что я иду. Селу, дала мне жизнь, она же примет мою душу после смерти. Я кричу: «Селу», и мне кажется, что я уже вижу Страну Духов» [1, с.55]. Таким образом, кукуруза семантически связывается представлениями чероки с локусами потустороннего мира, пространства смерти, куда отправляются души умерших. Хрононим посадки-сбора кукурузы в тексте романа «Отгалкиваясь медведя Роман о пути слез» является своеобразным топонимическим кодом, он символизирует не только жизнь, но и смерть, которую должна была испытать богиня Селу, чтобы люди имели одно из важнейших источников их жизни-кукурузу.

В представлении Кнобути люди на марше выглядят как початки кукурузы: «Я посмотрел на длинную вер-

ницу людей передо мной и они показались мне зернышками в начале кукурузы. На миг мне показалось, что это священный ход. Единство людей. Одно зернышко шло за другим. Наши голоса соединились в один. Если мы можем быть единственными в нашем движении, значит, мы выживем и на новой территории. У каждого в этом хоре - своя партия, и если кто-то из нас молчит, то это выглядит как початок с пропущенным зерном» [1, с.62]. Для ландшафта чероки в начале романа существуют четко определенные поэтикальные маркеры, которые убедительно срабатывают при создании атмосферы традиционного образа жизни чероки на этой земле. Примечательно, что во всех приведенных описаниях содержится упоминание о кукурузе как об основе жизненной силы чероки. Этот маркер обнаруживает не только чисто физическое расположение в пространстве, но и метафизические диспозиции чероки в универсуме.

Другим важным маркером является лес: «Из всех деревьев, говорили именно сосна, которая сказала, что мы пойдем, пряча иглы в ладонях. Земля, как бы ослабила наше притяжение» [1, с.6]. В романе Гланси звучат десятки голосов чероки на марше, однако символика родного дома у них у всех практически одинакова. «Я подумала о птицах и гусях, о еноте, который приходил на лестницу избушки, о завитках дыма и гудении мошкары в лесу. Деревья - наши предки. Их корни уходят до берега ручья» [1, с.10]. Деревья, растущие на родной территории чероки, является не только обязательной частью священных церемоний, но и традиционными лекарствами, поддерживающих жизнедеятельность народа. Так не названный по имени шаман попытался воспроизвести исцеляющую церемонию на марше: «Я пел так, как будто у меня были все пять необходимых разновидностей коры, и некоторые говорили: «А вдруг эти деревья не растут за пределами страны чероки?». А другие добавляли: «А что слова имеют силу только на земле, где мы родились?» [1, с.128].

Жизненный уклад народа чероки на юго-востоке континента был построен вокруг двух важнейших составляющих – лес и кукурузные поля, именно эти символы часто всплывают в разговорах и мыслях людей на марше. «Только недавно я танцевала на церемонии зеленой кукурузы. Мысль о еде свела мои челюсти от боли. Как я скучаю по своей хижине, по вкусу нового урожая кукурузы, по ощущению самой нашей земли у себя под ногами» [1, с.33]. Принадлежность к земле является основой мировоззрения чероки. Маритол говорит: «Мы - главные люди. Мы живем в центре мира. Где моя ферма и мой дом? Где вещи моей бабушки?» [1, с.35]. Ее поддерживает Анна Ско-со-тах: «Чероки - важные люди. Мы жили в горной стране в центре мира» [1, с.101]. Заложенная веками пространственная идентичность чероки не позволяет им понять отношение к земле как к товару. Ласи Вударг удивляется: «Разве они не понимают, что землю нельзя купить или продать? Может они станут претендовать и на солнце со временем? Или на звезды? Неужели они не понимают, что все это, как и земля с животными, принадлежит Великому Духу? <...> Нет, чероки не исчезнут как того хотят солдаты. Чероки выживут, потому что мы и есть земля» [1, с.95].

Еда, выращенная на родной земле, также является частью пространственной идентичности чероки, поэтому так трудно на марше воспринимается пища белого человека, которую вынуждены готовить и потреблять оторванные от родного дома люди. «Что это за белая пыль,

которую дали нам солдаты? Ее необходимо смешать с водой с Ксиваси. <...> «Хлеб», - сказала моя мать. «Со всем не та пища, которую мы делаем из кукурузы. Со всем не такую муку мы получали из Бернардового мельницы с кочанов». Семья тихо наблюдала, как мы с мамой пытались замесить белую пасту, стремясь сделать хлеб. «Хоть бы у меня была сковородка или кастрюля, но все что есть - только котел, который удалось извлечь из хижин» Как мне хотелось вылить кукурузное тесто в деревянное ведро, что его еще бабушка сделала из белого дуба. Завернуть хлебцы в листья кукурузы и сварить их. Вот так должен быть приготовлен настоящий хлеб! <...> Я молча смотрела на тот белый хлеб, который мы выковыривали ложкой из котла. Голод нагнал слюны в рот, а я не могла заставить себя есть. Белые галушки выглядели как мускусные мешочки, что мы вычищаем из белчиных тушек либо как белки из их глаз» [1, с.44-45].

Родные люди, которые являются частью цепи жизни, соединяющей в единое целое предков и ныне живущих, тоже маркируют пространственные локусы чекроки. Для Маритол ее родители являются неотрывной частью мира чероки: «В маленьком мире нашей палатки для меня значили только рука моей матери, эта рука помогала мне сажать впервые кукурузу. Трибуны, прибывшие для того, чтобы благословить посадки, приветствовали нас, проходя полями с пением и барабана в глиняный котел, обтянутый оленьей кожей. Бабушка сидела на помосте, отгоняя ворон от посаженных зерен. У Луси родители давно умерли, мне ее жалко, потому что нет даже с кем поплакать» [1, с.64]. В другом месте Маритол говорит о членах семьи как о пространственных маркерах: «Мы - вместе», - обратилась я к своему отцу, который стоял у кибитки, в которой сидела моя мать с моим ребенком, - «даже если на короткое время сейчас». «С нами нет Томаса», - ответила мама. «Он скрывается в горах, мама. Часть нашей семьи им не удастся выдворить отсюда» [1, с.67].

Мифологические фреймы является важной частью пространственной идентичности чероки в тексте романа как способ сохранить связь с местом своего рождения. «Великий Дух покрыл панцирь черепахи илом, чтобы создать землю и не дать нам утонуть в окружающих водах. Разве ты не видишь как закрутился ил на Черепаший панцирь? Это напоминает землю, если внимательно присмотреться. Как край поля, когда Кузавати выйдет из берегов. Мальчики были маленькими Томас и Тэннер, а я опустилась на колени рядом с ними, Маритол сидела у меня за спиной, так же как я теперь несу ее младенца. Она также хотела увидеть черепаху, и я сняла ее со спины. Она тыкала в черепаху и верещала. Я до сих пор слышу ее голос. Мертвые продолжают говорить, только

бы их слушали. Наши слова выходят из холодных пещер легких. Видите длинную линию вон там? Пересказывайте истории, - говорю им ночью, - вы сможете дойти по дороге, оседлав свои голоса» [1, с.72]. Так дает установку живым умершая мать Маритол. Алотохи, другой голос романа, тоже рассказывает о способности нести родной край с помощью звуков: «Как только я раскрывает уста в меня входит что-то далекое. Я могу жевать звуки. Глотать. Птиц. Скот. Звуки животных. Скрип последней кибитки на марше. Фырканье лошади или мула. Все эти звуки у меня в животе. Да. Звуки внутри. Это несет нашу землю с собой. Я вижу ее, как только закрываю глаза. Чувствую в груди. Я несу в себе кукурузные поля и животных. Мои ноги скрипят в снегу. Иногда я носками отталкиваю снег, чтобы найти траву» [1, с.98]. В нарративном измерении время в романе отражает соотношение событий, ассоциативные, причинно-следственные и психологические связи между ними, создает сложный ряд событий, расположенных в сюжетном развертывании произведения.

Мотив движения всего родного передан и в следующем романе Гланси «Отталкивая медведя. После пути слез». «Помните, как с нами шли облака. Помните, как шел ветер. Холод. И наше стремление – остановиться. Мы наконец его осуществили. Помните родных людей, что мы оставляли в могилах. Помните голоса, что звучали с небес. Много чего изменилось. Мы знали, что нас здесь ждут изменения. Помните птиц. Их голоса шли с нами. Не сами птицы, но их голоса. Помните скрип кибиток. Фырканье лошадей. Протест земли, направленный не против нас, а против тех, кто заставил нас идти. Помните луну. Помните кукурузу – мы еще ощутим ее вкус» [2, с.5].

Выводы. Ландшафтный континуум «тропы слез» как определенного бытийного феномена в истории народа чероки сочетает в себе пространственные фрагменты-локусы, интерпретация которых в романах является не просто объективизацией реальности тяжелого пути, но и своеобразным художественным кодом, который раскрывает пространственную идентичность народа чероки, описывая истоки религиозных и нравственных доминант их социума. Ландшафт страны чероки в тексте романов Д.Гланси «Отталкивая медведя. Роман о пути слез» и «Отталкивая медведя. После пути слез» проявляется как своеобразный лимитрофный маркер. Моделируя художественный мир чероки, Гланси постоянно смещает временно-пространственные пласты, накладывая хронотопные плоскости друг на друга, приостанавливая тем самым действие астрономического времени и разрушая границы реального, посредством чего писательница создает фaszинативные пространства, которые являются важной частью пространственной идентичности чероки.

REFERENCES

1. Glancy, Diane. Pushing the Bear. A Novel of Trail of Tears.-New York, San Diego, London: Harcourt Brace&Company, 1996.-241p.
2. Glancy, Diane. Pushing the Bear.After the Trail of Tears. – Norman: U of Oklahoma Press, 2009. – 197p.
3. Krupat, Arnold. Representing Cherokee Dispossession //Studies in American Indian Literatures. – 2005. – Vol.17.No1. – P.16-41.
4. Lincoln, Kenneth. Native American Renaissance. Berkeley: U of California Press, 1983. – 320p.
5. Miner, Joshua D. Beasts of Burden: How Literary Animals remap the Aesthetics of Removal // Decolonization: Identity, Education and Society. – 2014. – Vol.3, No.2. – P.60-82.
6. Walker, Polly O. Decolonizing Conflict Resolution: Addressing the Ontological Violence of Westernization // American Indian Quarterly . – 2004. – Vol. 28. No. 2. – P.527-549.
7. Watts, Vanessa. Indigenous Place-Thought Agency among Humans and Non-humans (First Woman and Sky Woman Go on a European Tour!)/ Decolonization: Indigeneity, Education & Society. – 2013- Vol.2. No.1. – P.20-34.

Spatiality as Cherokee Native Identity Base in the Novels of Diane Glancy

O. H. Shostak

Abstract. Specific space, land and its landscapes are important factors in the formation of Indigenous national identity. They play special roles in the Native American literary works as well, which will be demonstrated in this article by the example of D. Glancy's novels "Pushing a Bear. A Novel of Trail of Tears "and" Pushing the Bear. After the Trail of Tears.

Keywords: national identity, Native Americans, Cherokee, Indians, five civilized nations.